

"Вечерний Волгоград"

28 июня 2002 г.

А ВСЕ-ТАКИ ОН ЛЕТАЕТ!

Говорят, имя очень сильно влияет на судьбу человека. Возьмем, к примеру, фамилию Иншаков. "Ин" — с древнерусского означает иной, другой, "аки" — как. В Волгограде, по нашим сведениям, лишь три человека, которые носят эту фамилию. Одного из них мы очень даже хорошо знаем. Это Олег Васильевич Иншаков — ректор Волгоградского государственного университета, вуза, где в свое время мечтали, смеялись, влюблялись и обучались ваши покорные слуги. Решив навестить альма-матер накануне жаркой поры поступлений наших будущих коллег, мы непременно зашли к ректору. Поздравить Олега Васильевича с летом и предстоящим воскресеньем. Оно, кстати, приходится на его день рождения — 30 июня, пятьдесят лет назад, на белый свет появился маленький Олеженька по фамилии Иншаков. Тогда он еще не мог никому объяснить значение своего имени по той простой причине, что взрослые не знают языка младенцев. В школе еще не было жизненного опыта, и одноклассники порою называли Олега просто — Ишак. А что, вполне "трудолюбивая" кличка. Мальчик рос, все больше узнавал о своих корнях и предках, а вместе с ним росли и его знания о своей фамилии.

— "Ин" — это не только другой, не похожий на остальных, но и идущий вслед. Это понятие означает преемственность поколений, развитие. Но своим, не похожим ни на кого путем. И в этой фамилии нет ничего южного. Отец у меня с верхнего Дона, а мать с Украины.

— Вам часто приходится оправдываться, что вы не кавказец?

— А я не оправдываюсь. Быть человеком любой национальности — это всегда одинаково хорошо, это данность. Хорошо или плохо, что речка течет или солнце светит? Такое от нас не зависит. Хотя некоторые меня иначе воспринимают, а я тем не менее северо-западный человек.

— Иногда вы идете, как нам кажется, против своей сущности. Однажды вы рассказали, что в школе не очень любили математику, но решили досконально изучить этот предмет...

— Это не значит идти против своей сущности, это значит — формировать сущность. Когда я понял, что без математики нельзя дальше идти работать, что ее нужно учить, а у меня это не очень хорошо получается, я поступил следующим образом: я пошел и выбрал тот предмет, который мне был труднее всего. Точно так же у меня было с философией: я не очень понимал ее, поэтому решил ею усиленно заниматься. В университете я часто отвечал на семинарских занятиях по этому предмету, готовил доклады, в итоге получил автоматический зачет.

— Если у вас чего-то нет, то приходится себе в чем-то отказывать?

— Не отказывать, а заставлять себя. Дело в том, что все удовольствие от жизни состоит именно в преодолении. Если вы ничего не преодолеваете, то вы потеряли ощущение даже своих контуров, границ, среды. Представьте, что на вас ничего не давит, что вы не сопротивляетесь ничему. Постепенно ваши контуры начнут расплываться, и в итоге вы просто исчезнете. Все в мире построено на внутреннем и внешнем давлении. Среда давит на систему, система давит на среду. Благодаря этому возникает образ. Поэтому каждый формирует свой образ исходя из своего давления на среду и на себя.

— Не потому ли среди американцев очень много полных людей?

— Возможно. Условия жизни, подчас излишне комфортные, расслабляют их организмы, и вот результат: вся нация по утрам пытается заниматься зарядкой и бегать трусцой. А потом все дружно идут в пиццерию. Стопятидесятикилограммовые люди заказывают хот-доги, биг-маки. Однажды я сам такое наблюдал: далеко вышедший из "берегов" американец жадно поедает жирную пиццу. Тогда я спросил себя: неужели он не понимает, что делает с собой? Какой-то замкнутый круг получается: чем больше он ест, тем больше у него расплываются контуры, а чем больше они расплываются, тем больше ему пищи

нужно, чтобы заполнить свободное пространство.

— Но в наших реалиях очень много давления. Для иногородних студентов — дорогие квартиры, которые многим приходится снимать... У вас был такой период?

— В то время, когда я создавал семью, мы могли снимать сравнительно недорогое жилье. У меня была стипендия — 50 рублей, 20 из них — платил за квартиру. А на остальные деньги можно было с девушкой сходить три раза в ресторан. На первых курсах мне давали рубль на три дня. За неделю скапливалось два рубля, их можно было прогулять. У меня была даже сберкнижка, куда я складывал свою стипендию: вдруг нужно будет что-то купить или куда-то поехать.

— Что вас может ввести в состояние эйфории?

— А что это за состояние, по-вашему?

— Это когда человек идет по улице и не может сделать серьезное лицо — улыбка так и лезет на лицо. И вообще, хочется не идти, а лететь.

— Такое состояние у меня вызывает многое — любые проявления красоты, любовь, природа, плоды своего труда, музыка.

— По университету долгое время ходили слухи, что вы умеете летать, в крайнем случае, подниматься на несколько сантиметров над землей...

— Подняться мне удалось разве только мысленно над собой. А так — каждый человек в принципе умеет летать: в мечтах, в мыслях, на самолете. Это универсальная сила сознания и деятельности человека. Этим мы и отличаемся от животных. Коровы же не умеют летать, если не брать в счет советские мультфильмы.

— Неплохой вид экстрима — летающие коровы. А вы — экстремальный человек, занимаетесь спортом?

— Я занимался легкой атлетикой, фехтованием, немного ручным мячом. Сейчас увлекаюсь баскетболом, но в секции никогда не занимался.

— В фехтовании для вас было главное — проткнуть противника?

— Нет, во-первых, эстетика, во-вторых, воспитание реакции на неожиданные уколы среды.

— Вы были студентом в свое время, сейчас тоже можете постоянно наблюдать за молодежью. Студенты тех лет отличаются от нынешних?

— Конечно, это ведь совсем разные поколения, но в чем-то они все очень похожи друг на друга. Есть вещи, которые все переживают: любовь, желание реализовать какую-то мечту, кем-то стать. Быть уверенным, что ты самый-самый и все у тебя получится. Ведь по исследованиям, человек достигает высшей точки биологического развития в 19 лет. Получается, что во время своей учебы в вузе человек переживает самый пик своего развития.

— А пятидесятилетний возраст чем отличается от всех остальных?

— Как мне кажется, в 50 лет нужно провести инвентаризацию. Залезть на гору, посмотреть по сторонам и... создать условия для того, чтобы другие имели возможность взбираться на вершину. Потом осмотреться самому: может, покоренная высота не такая уж и великая, может, еще нужно учиться "альпинизму"... После 45 лет многие мужчины приходят к такому выводу: до этого жили не так, работали не в той сфере...

— Эпатаж вам когда-то был свойственен?

— Конечно.

— Как это выражалось?

— В молодости у меня были длинные волосы, "клешенные" штаны (синие вельветовые), рубашка в мелкий цветочек. В общем-то, молодежь самовыражалась так же, как сейчас. Чем мое поколение отличалось от сегодняшнего, так это тем, что мы всегда знали, где можно вести себя эпатажно, а где нужно выглядеть прилично. В учреждениях, на торжественных мероприятиях, в театре — мы всегда одевались соответственно случаю. А вечером, на лавочке в парке — здесь мы упражнялись, как могли.

— Пройдет еще немного времени, и ваш сын тоже будет студентом. Сейчас, как мы знаем, он находится в подростковом возрасте. Вы консервативный отец?

— Как мне кажется, нет. Но считаю, что за ребенком всегда нужно смотреть, заниматься его воспитанием. Сын слушает музыку, которую мы с женой не понимаем, например “Короля и шута”. Недавно мы встречали его после концерта около ЦКЗ. А в зал не пошли, хотя могли бы это сделать. Просто проводили и встретили — сами знаете, что там творилось. Может быть, это и примитивно, но у меня не сто сыновей, чтобы ими разбрасываться.

— А вы хотели, чтобы у вас было сто сыновей?

— Нет, столько, конечно, не хотел, но могло быть и больше, чем один. У меня даже была идея взять на воспитание ребенка из детского дома, но потом я ее оставил. Это слишком ответственно. А если бы я не выполнил? Что делать — сдавать человека назад? Конечно, когда видишь глаза этих детишек, хочется собрать их всех и забрать к себе. Но тут же начинаешь мыслить рационально: я ведь целыми днями нахожусь в университете, кто будет ими заниматься? Поэтому я и не решаюсь на этот поступок, как, наверное, и многие другие люди.

— Как вы относитесь к своим студентам — как к детям, взрослым людям или как-то иначе?

— К студентам — по-разному. Если вижу, что человек хочет заниматься, жаждет знаний, то я готов помочь ему в этом, я готов выращивать его, как садовник дерево, потому что знаю, что от него будет польза. А если студента не интересует учеба, он приходит в университет просто потусоваться, то и я отношусь к нему снисходительно. Я могу дать человеку знания, только если он этого сам хочет. Вообще считаю, что я должен прийти на лекцию и дать студентам все, что знаю сам, а они обязаны выкачать из меня все знания до конца, чтобы я после лекции ощущал себя выжатым лимоном. Образование — это услуга. Я оказываю студентам услугу — даю им знания, а они на лекциях должны не молчать, а задавать вопросы.

— Когда мы поднимались в гору, с радостью отметили: библиотека-то строится. А почему вы решили делать отдельное библиотечное здание, а не новый корпус?

— Библиотека срочно нужна, она, в своем роде, тоже учебное заведение. Я сам часто пользуюсь вузовской библиотекой.

— Что-то мы вас не видели в очереди за книгами?

— А представляете, какая очередь собралась бы в моей приемной, как, впрочем, и в библиотеке, куда приходили бы любопытные студенты смотреть, как я занимаюсь. Мне приносят книги в кабинет, где я их сразу же просматриваю и возвращаю.

Тут позвонил телефон и на некоторое время прервал нашу беседу. А диктофон записывал разговор Олега Васильевича с “трубкой”: “Не надо мне ничего объяснять, я понял, что книжку я не увижу. Если вы сказали “да”, достанете книгу, то должны не есть, не спать, не дышать, но обещание выполнить, иначе зачем говорить “да”. Можно было выразиться по-другому: “постараюсь, сделаю, что смогу”...

— Вы всегда так точно относитесь к семантике каждого слова? — спросили мы, когда телефонная беседа была закончена.

— Обязательно. Ведь слово — это звук, он превращается в волны и материализуется. Все начинается с пульсации, со звука, и прежде всего новая жизнь.

— А что после себя человек оставляет?

— Как это ни банально, след. Он может быть любим. Принимать форму дворцов или руин, знаний, массовой культуры или разбоя — все зависит от каждого из нас.

Виктория БЕССОНОВА.